

ИРАНСКИЙ ВЕКТОР СРЕДНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ США (РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ 1980-х – 2000-х гг.)

А.А. Раленко (Николаев)

Исламская Республика Иран занимает особое, исключительно важное место во внешнеполитической деятельности США в странах Среднего Востока. Это объясняется несколькими решающими факторами. **Во-первых**, стремление Ирана стать высокотехнологической страной и добиться, в конечном итоге, прежде всего энергетической самостоятельности. **Во-вторых**, желание Ирана иметь ядерное оружие, что позволит ему стать не только членом «ядерного клуба», но и превратиться в сильного и влиятельного игрока, во всяком случае, в зоне Персидского залива, а это по многим причинам не выгодно Вашингтону, теряющему региональное влияние и могущество. **В-третьих**, Иран – крупное исламское государство, расположенное в непосредственной близости от России, что не может не беспокоить американские администрации, продолжающие соперничать с Российской Федерацией в борьбе за многополярный мир.

Этими компонентами объясняются и актуальность, и новизна исследуемой научной проблемы.

Хронологические рамки ограничены 1980-ми – началом 2000-х гг., т.е. периодом временной трансформации американо-иранских отношений – от политики относительно «Большого Сатаны» (термин, употребляемый аятоллой Рухолла Мусави Хомейни к США) [1, с. 424]; отменой экономических санкций Соединённых Штатов против Ирана в 2000-ом году; зачисление Ирана Дж. Бушем-младшим в ежегодном послании «О положении страны» 29 января 2002 г. к «оси зла» (вместе с Ираком и Северной Кореей) [2, с. 657] до «шоковых» заявлений иранского президента М. Ахмадинежада 2005 – 2006 гг. [3, с. 138].

Среднеазиатская внешнеполитическая деятельность США была предметом изучения и детального исследования многих учёных. Следует назвать фундаментальные работы С.М. Алиева, А.Г. Васильева, М.С. Иванова, Г.Д. Алибейли, А.Д. Богатурова, В.Г. Коргуна, А.В. Гусейнова, Ахмеда Сауда Иссy, Хасана Али Махмуда Шухри, С.А. Михайлова, Г.И. Мирского, А.Д. Воскресенского, С.М. Задонского, В.И. Юртаева.

В плоскости ретроспективного анализа американской внешней политики и дипломатии в странах Среднего Востока в обозначенный временной промежуток материалы рассматриваются впервые.

Тезисно хотелось бы обозначить ареал «среднеазиатских» держав. Большинство историков, политологов, международников к странам Среднего Востока относят Турцию, Кипр, Иран, Афганистан, Пакистан. Некоторые (например, А.М. Козицкий) ограничиваются Турцией, Ираном, Афганистаном, выделяя их в «особую группу мусульманских стран Азии» [4, с. 75].

Автор статьи считает, что к региональной средневосточной подсистеме международных отношений входят Иран, Афганистан, Турция, Кипр, ибо Пакистан, безусловно, представляет Южную Азию.

Относительно американо-иранских взаимодействий 1980-х гг., то особо следует отметить эволюцию взглядов Хомейни на отношения в треугольнике США – СССР – Иран: после уменьшения угрозы американского вмешательства аятолла, заговорив о недействительности советско-иранского договора 1921 г., «сместил» внешнеполитические акценты с «американского империализма» на «коммунизм», назвав Советский Союз «Малым Сатаной».

1990-е – начало 2000-х гг. – период исключительно противоречивых и нестабильных отношений между США и Ираном. Как ни странно, но именно Иран проводил более взвешенную, реалистическую, возможно, даже в «идеологическом» плане противоречащую своим внешним принципам «исламского государства», политику. Это связано, прежде всего, с деятельностью президента Мохаммада Хатами (находился у власти – 1997 – 2001; 2001 – 2005 гг.), вошедший в историю международных отношений как реформатор. Дипломатия Хатами характеризовалась гораздо большей толерантностью, чем его предшественников; стремилась использовать политические и дипломатические методы в решении спорных вопросов. Именно президенту Хатами принадлежит идея «диалога цивилизаций», которая является антиподом известного тезиса американского политолога С. Хантингтона об их «столкновении» [5]. После террористических атак на США 11 сентября 2001 г. во внешнеполитических подходах руководства Ирана обозначились акценты, которые, казалось, создавали возможность улучшения американо-иранских отношений и должны были способствовать выходу Ирана из международной изоляции, санкционированной с подачи Соединенных Штатов. Президент Хатами осудил теракты, заявив о возможности участия в совместной антитеррористической коалиции под эгидой ООН.

Однако, в американо-иранские отношения несвоевременно «вмешалась» афганская составляющая. Тегеран практически всегда был заинтересован в падении режима талибов в Афганистане и поддерживал НАТО (не следует забывать, что в Иране находилось в изгнании правительство Б. Раббани, а общая численность афганских беженцев составляла около 2 млн. человек). Ожидая «смягчения» позиции США относительно своей страны, иранское руководство пошло на несвойственные для него меры – МИД Ирана предложил проведение поисково-спасательных операций в Афганистане в случае, если будут сбиты американские лётчики. В рамках гуманитарных операций Иран разрешил разгружать в своих портах (Бушир, Джаск) пшеницу, которую затем на грузовиках доставляли на северо-восток Афганистана. Были открыты воздушные коридоры для транспортных самолётов с гуманитарным грузом для афганцев.

В тоже время руководство Ирана осуждало бомбардировки Афганистана, ведущие к жертвам среди мирного населения; Иран отказался предоставлять воздушное пространство и аэродромы для ВВС США и не пошёл на размещение иностранных войск на своей территории [6, с. 51 – 52].

Несмотря на реальную помощь и поддержку, оказанную руководством Ирана, президент США Дж. Буш-младший охарактеризовал Иран «осью зла», назвав его среди возможных новых целей антитеррористической операции. Отношение США к Ирану еще больше ужесточилось после войны в Ираке 2002 – 2003 гг. Вашингтон опасался попыток иранских руководителей усилить своё влияние на иракских шиитов (они составляли большинство населения – 60%; в Иране 23 года в эмиграции находился духовный лидер шиитов аятолла Мохаммед Аль-Хаким, который 11 мая 2003 г. вернулся в Ирак, но вскоре в результате теракта был убит в г. Эн-Наджаф). Беспokoила США и ядерная программа Ирана, несмотря на резолюцию МАГАТЭ от 26 ноября 2003 г. относительно дальнейшего сотрудничества и прозрачности программы [7, с. 112 – 113].

Тем не менее, политика администрации США к Ирану (во всяком случае, до избрания 25 мая 2005 г. президента М. Ахмадинежада) была, в большей степени, негативной и недифференцированной, равно как и не была снята с повестки дня угроза применения военной силы против Тегерана.

Как заметил посол Исламской Республики Иран в Украине Акбар Гасеми-Алиабади в интервью 25 октября 2012 г. «демократические основы доминируют в дипломатии Ирана. Это наше обязательство перед своими предками и потомками» [8, с. 954]. Мудрее не скажешь. Восток!

1. Мировая политика и международные отношения: Учебное пособие / под ред. С.А. Ланцова, В.А. Ачкасова. – СПб.: Петер, 2007. – 448 с.
2. Современные международные отношения и мировая политика: учебник / под ред. А.В. Торкунова; МГИМО МИД России. – М.: Просвещение, 2005. – 990 с.
3. Лузянин, С.Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004 – 2008) / С.Г. Лузянин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 447 с.
4. Козицький, А.М. Новітня історія Азії та Африки. Посібник / А. М. Козицький. – Львів: «Афіша», 2003. – 430 с.
5. Huntington, S. America's Changing Strategic Interests / S. Huntington // *Survival*. – 1991. – January – February. – P. 3 – 17; Huntington, S. The lonely superpower / S. Huntington // *Foreign Affairs*. – 1999. – Vol. 77, № 2. – P. 35 – 48.
6. Панин, В.Н. Политический процесс на Ближнем Востоке: влияние России и США / В.Н. Панин. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2003. – 255 с.
7. Задонский, С.М. Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения / С.М. Задонский. – М.: Научная книга, 20002. – 175 с.
8. Україна дипломатична. Науковий щорічник. – Випуск 13. – Київ: Вид-во ДВ «Преса України», 2012. – 1088 с.